

Таким образом, современная политическая наука убедительно свидетельствует о том, что демократия не наступает случайно. Для того чтобы быть стабильной, она должна идти снизу, поскольку именно социально-экономические условия порождают и поддерживают внешнюю среду, бла-

гоприятную для функционирования стабильного и эффективного политического режима.

Таким образом, забота о демократии требует рассматривать социально-экономическое развитие в качестве важнейшей цели государственной политики.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Acemoglu D. and Robinson J.* A Theory of Political Transitions // *American Economic Review*. 2001. № 91. P. 938–963.
2. *Acemoglu D. and Robinson J.* *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. New York: Cambridge University Press, 2005. 432 p.
3. *Apter D.* *The Politics of Modernization*. Chicago: University of Chicago Press, 1965. 397 p.
4. *Boix C.* *Democracy and Redistribution*. Cambridge: Cambridge University Press. 2003. 264 p.
5. *Boix C. and Stokes S.* Endogenous Democratization // *World Politics*. 2003. № 55. P. 517–549.
6. *Epstein D., Bates R., Goldstone J., Kristensen I. and O'Halloran Sh.* Democratic Transitions // *American Journal of Political Science*. 2006. № 50. P. 551–569.
7. *Huntington S.* *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press, 1968. 488 p.
8. *Huntington S.* *The Third Wave: Democratization in the late Twentieth Century*. Norman: University of Oklahoma Press, 1991. 366 p.
9. *Inglehart R. and Welzel Ch.* *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 333 p.
10. *Lerner D.* *The Passing of Traditional Society*. New York: Free Press, 1958. 215 p.
11. *Lipset S.* Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // *American Political Science Review*, 1959. № 53 (March). P. 69–105.
12. *Lipset S.* *Political Man. The Social Bases of Politics*. New York: Doubleday, 1960. 432 p.
13. *Moore B.* *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. New York: Beacon Press, 1966. 592 p.
14. *Przeworski A. and Limongi F.* *Modernization: Theories and Facts*. *World Politics*, 1997. № 49. P. 155–183.
15. *Przeworski A., Cheibub J., Alvarez M., Limongi F.* *Democracy and Development: Political Institutions and Material Well-being in the World, 1950–1990*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 336 p.
16. *Rostow W.* *The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto*. Cambridge: Cambridge University Press, 1960. 179 p.
17. *Rueschemeyer D., Stephens E. and Stephens J.* *Capitalist Development and Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 398 p.
18. *Sirowy L. and Inkeles A.* The Effects of Democracy on Economic Growth and Inequality: A Review // *Comparative International Development*. 1990. № 25. P. 126–157.
19. *Welzel Ch. and Inglehart R.* The Role of Ordinary People in Democratization. *Journal of Democracy*. 2008. № 19(1). P. 126–140.

*А. Р. Кетов*

### МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В УСЛОВИЯХ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

*В статье исследуются научные подходы к выделению политического экстремизма, анализируется роль данного явления, характерная для стран, декларирующих свою приверженность основным принципам современного парламентаризма. Автор показывает взаимозависимость экстремизма и различных форм парламентской демократии, трудности, возникающие при построении модели политического экстремизма, отличной от*

концепции, предлагаемой сторонниками парламентаризма. Также рассматривается вопрос о необходимости использования альтернативных подходов к демократии, которые позволят избежать негативных последствий, связанных с трактовками экстремизма, принятыми исследователями, оценивающими парламентскую демократию как универсальную политическую модель.

**Ключевые слова:** политический экстремизм, парламентская демократия, толерантность, агонистическая демократия.

*A. Ketov*

#### METHODOLOGICAL APPROACHES TO DEFINING POLITICAL EXTREMISM IN CONDITIONS OF PARLIAMENTARISM

*This article explores scientific approaches to the identification of political extremism, it analyzes the role of this phenomenon typical for the countries that declare their commitment to basic principles of modern parliamentarism. It is argued that there is interdependence of extremism and various forms of parliamentary democracy, and that there are difficulties in constructing a model of political extremism that is different from the concept proposed by supporters of the parliamentary system. A need for alternative approaches to democracy is claimed for overcoming the negative consequences associated with the interpretation of extremism adopted by researches who regard parliamentary democracy as a universal political model.*

**Keywords:** political extremism, parliamentary democracy, tolerance, agonistic democracy.

Целью статьи является анализ базовых подходов к выделению проявлений экстремизма в условиях парламентских демократий. Автор работы опирается на концепции ведущих теоретиков в данной области политической науки, раскрывая их отношение к экстремизму, описываемому как сложное и многогранное явление. Исследуя политический экстремизм, необходимо в первую очередь уточнить границы правомерного использования этого определения. Под политическим экстремизмом (термин происходит от латинского слова «*extremus*», что означает «крайний») исследователи обычно понимают склонность политических акторов к крайним убеждениям и действиям; неотъемлемыми атрибутами политического экстремизма при его изучении считаются отсутствие независимого от жестких идеологических рамок анализа политического процесса и декларируемая невозможность политических компромиссов. Можно также выделить юридическую характеристику, данную этому

явлению Парламентской ассамблеей Совета Европы в резолюции № 1344 от 29 сентября 2003 года. Резолюция определяет экстремизм как «разновидность политической деятельности, отвергающую основополагающие концепции парламентской демократии» [12].

Для обозначения границ понятия «политический экстремизм» в российских условиях хорошо подходит определение, данное этому явлению И. Л. Морозовым. Этот исследователь считает, что «под политическим экстремизмом можно подразумевать стремление определенных групп социума или отдельных граждан утвердить господство и обеспечить реализацию своей политической программы, цели и последствия осуществления которой несовместимы с интересами большинства; подобные преобразования декларируется проводить немедленно, силовым путем преодолевая возможное сопротивление» [5, с. 17]. Причем И. Л. Морозов отмечает, что идеологию нужно рассматривать как ядро, как оп-

ределяющую компоненту политического экстремизма. Он выделяет в качестве основных идеологических направлений, характерных для экстремизма, национализм, коммунизм, понимаемый И. Л. Морозовым как спектр теорий от анархизма до троцкизма, сталинизма и маоизма, а также фундаментализм, к которому данный исследователь причисляет религиозные учения, пропагандирующие нетерпимость к другим конфессиям.

Определение, данное экстремизму ПАСЕ, ставит перед исследователем вопрос о конкретизации концепции парламентской демократии как политического устройства, которому противопоставляется экстремизм. Разработку концепции либеральной демократии, плюрализма, противостоящего экстремизму, можно найти в работах таких авторов, как Д. Дьюи, К. Поппер, С. Липсет, Э. Шилз, Д. Ролз. Так, например, Д. Дьюи способствовал развитию современной концепции демократии, акцентируя в своих работах внимание на прагматизме, присущем рыночной экономике, и выступая за социальную реконструкцию, позволяющую развивать демократию, которая является, согласно Д. Дьюи, оптимальной формой политического устройства. Исследования Э. Шилза, затрагивающие теорию социального действия, взаимоотношения интеллектуалов и власти, роль интеллектуалов в модернизации и Д. Ролза, разработавшего «теорию справедливости», оказали большое влияние на формирование современной концепции парламентской демократии.

Следует подчеркнуть, что «открытое общество», о котором говорит К. Поппер, возникло недавно, во второй половине двадцатого века, в результате длительного развития. Вот как этот исследователь характеризует взаимосвязь между открытым обществом и марксизмом как революционной, радикальной идеологией, лежащей в основе левого тоталитаризма: «Открытое общество, столь высоко ценящее мир и

свободу, возникло в результате ряда глубоких и радикальных революций. Со времён моего детства оно сильно изменилось, и хотя некоторые марксисты, и не только они, всё ещё называют его «капитализмом», оно имеет очень мало общего с тем обществом, современником которого был Маркс, и ещё меньше — с тем, которое было описано Марксом и которое он назвал «капитализмом» [7, с. 8]. Следует отметить, что автор данной статьи рассматривает тоталитаризм как политическую практику, осуществление которой становится возможным в случае прихода экстремистского движения к власти.

С. Липсет писал о нестабильности всех сложных социальных систем, вследствие чего необходимы изменения в рамках существующей системы. Такие перемены, не сопровождающиеся социальными катаклизмами и авторитарным регулированием, возможны лишь при наличии парламентской демократии. Политические реалии современной демократии, которые изучает С. Липсет, склонны рассматриваться исследователем как консенсусные институты и ценности, составляющие нужные условия для сохранения существующей социальной системы [4].

Концепция парламентской демократии как оптимального политического строя, политическая философия, ярчайшей представительницей которой является Х. Арндт, оказали существенное влияние на развитие современной российской политической науки и, в частности, на формирование российской концепции политического экстремизма. Когда российская политология ещё только зарождалась, исследователи уже высказывали мнения, согласующиеся с принятым ПАСЕ определением экстремизма, который противопоставляется парламентаризму, плюрализму. Например, А. В. Чернышов ещё в 1990 году констатировал, что термин «политический экстремизм» неуместно употреблять в условиях советского общества, не соответствующего

представлениям об устойчивой парламентской демократии [9, с. 29]. На данный момент, несомненно, следует учитывать специфику российского общества и государства, которые находятся в переходном состоянии, однако российская юридическая концепция экстремизма совпадает с положениями, принятыми в других странах, декларирующих свой парламентаризм, и обозначенных в определении экстремизма ПАСЕ.

Следует отметить, что парламентаризм в любом рассматриваемом случае устанавливает рамки приемлемых для него политических действий, которые могут варьироваться в зависимости от специфики страны, декларирующей свою приверженность принципам парламентской демократии. Одной из наиболее характерных черт современной концепции демократии, выявляемых при её исследовании, является обязательное присутствие такой формы социального поведения, как толерантность, или терпимость. Толерантность необходима для достижения при демократическом общественном устройстве консенсуса, обязательного для существования подобного общества. Интолерантность означает отсутствие толерантности, нетерпимость, эскалация этого явления проходит под экстремистскими лозунгами и способна привести к краху парламентской демократии, к её замене на тоталитаризм или авторитаризм. Некоторые исследователи склонны считать экстремизм крайней формой интолерантности, соединяющейся с агрессией и насилием как методами выражения неприимости [3].

М. Уолцер, исследовавший границы терпимости, так обосновывает принципы защиты демократического государства от посягательств экстремистских организаций и их идеологий: «Религии, стремящиеся к официальному статусу, и партии, мечтающие о тотальном контроле, могут быть терпимы и в либерально-демократических, национальных государствах, и в имми-

грантских сообществах, и, как правило, они пользуются толерантным к себе отношением. Но <...> можно сделать так, чтобы они не смогли захватить политическую власть и даже бороться за неё. В отношении их требование отделения означает, что сфера их деятельности должна ограничиваться гражданским обществом: они могут проповедовать, писать и встречаться друг с другом; что же касается их статуса, то им можно позволить существовать только в виде сект» [10, с. 99]. Таким образом, демократическое государство оставляет за собой право на пресечение открытых выступлений экстремистов против государственной власти. Если проанализировать российский закон об экстремизме, станет ясно, что российские радикалы лишены возможности создавать даже отвергаемые демократическим государством объединения и свободно распространять свои взгляды; возможно, подобная практика мешает распространению экстремизма в России. С другой стороны, создаются условия, последствия которых могут негативно повлиять на формирование гражданского общества и на международный имидж, декларирующей демократическое общественное устройство своей страны. В связи с этим следует упомянуть критиков концепции «политической философии», которую выдвигает Х. Арндт, и тех исследователей, в чьих трудах парламентская демократия предстаёт образцом политического устройства общества.

В качестве примера подобной критики необходимо изложить позицию А. Бадью, который считает «парламентаризм», доктрину консенсуса господствующей идеологией современных парламентских государств. Как считает А. Бадью, «необходимо подчеркнуть, что всякое мнение на самом деле обуславливается неким политическим режимом, некоей разновидностью политики. Реальная плюральность есть плюральность политик, плюральность мнений — это не более чем референт некоей конкрет-

ной политики (парламентаризма)» [2, с. 112]. В качестве альтернативы парламентаризму А. Бадью предлагает истинный плюрализм, который может осуществляться революционными, радикальными методами. Таким образом, в политической концепции А. Бадью не находится места концепции экстремизма, существующей только в рамках концепции парламентской демократии, выделение политического экстремизма оказывается идеологически обусловлено. А. Бадью, склонный к марксизму и испытавший большое влияние марксиста Л. Альтюссера, до известной степени разделяет левую идеологию, что сказывается на характере его исследований, так же как Х. Арентт в своих трудах разделяет основные идеологические установки либерализма. А. Бадью считает современную демократию связанной с авторитарным мнением о недопустимости осуществления другой политики [2, с. 163], и данное предположение находит подтверждение в концепции политического экстремизма, вбирающего в себя все недемократические политические движения.

С другой стороны, как сторонник левых идей, А. Бадью считает, что «сущностью политики не является плюральность мнений. Сущность политики — предписание возможности через разрыв с тем, что наличествует» [2, с. 117]. Принимая левые идеи об обоснованности разрыва, революционного применения силы в политике и реальной борьбы приверженцев разных идеологий, данный исследователь даёт повод для причисления себя к лицам, симпатизирующим леворадикальному движению. Следовательно, с точки зрения сторонников концепции экстремизма как явления, противостоящего парламентской демократии, А. Бадью не может выступать как полноценный ученый, пригодный для беспристрастного изучения политического процесса, например, явлений, связанных с борьбой левых и правых политических экстремистов, или противостояния левого

экстремизма и парламентской демократии. Таким образом, наука о политике оказывается неотделимой от самой политики.

Концепция Ж. Рансьера дополняет рассуждения А. Бадью о парламентаризме и плюрализме. Данный исследователь выделяет такие понятия, как «политика» и «полиция», противопоставляя их друг другу. Согласно Ж. Рансьеру, «существует два способа учитывать части сообщества. Первый учитывает только реальные части, действительные группы, определяемые различиями по рождению, по функциям, местам и интересам, составляющим социальное тело, — при исключении всяких добавлений. Второй «вдобавок» учитывает долю обездоленных. Назовём первый способ полицией, а второй — политикой» [8, с. 209].

Ж. Рансьер следующим образом описывает основные характеристики полиции: «сущность полиции заключается в том, что она является разделением осязаемого, характеризующегося отсутствием пустоты и добавлений: согласно полиции, общество состоит из групп, посвящающих себя специфическим образам действия, — на местах, где такие занятия осуществляются в способах существования, соответствующих своим занятиям и местам. При такой адекватности друг другу функций, мест и способов существования не существует места ни для какой пустоты. Исключение «того, чего нет», является полицейским принципом, находящимся в центре государственной практики» [8, с. 209]. Так, парламентаризм, определяющий политический экстремизм и исключаящий его из юридически приемлемых способов ведения политической борьбы, используя концепцию Ж. Рансьера, в определённых случаях можно наделить чертами «полиции», исключаящей, таким образом, «политику».

Согласно концепции Ж. Рансьера, «сущность политики — вносить возмущение в это устройство, дополняя его со стороны обездоленных, отождествляемых с тоталь-

ностью самого сообщества. Политическая тяжба — это такая тяжба, которая способствует существованию политики, отделяя её от полиции, которая постоянно стремится уничтожить политику — либо попросту отрицая её, либо отождествляя её логику с собственной. Политика есть, в первую очередь, вмешательство в видимое и высказываемое» [8, с. 209–210]. Тем не менее, поддерживая расширение и укрепление «политики», следует учитывать негативные последствия экстремизма, очевидные после завершения тоталитарных политических проектов двадцатого века. В случае прихода политических экстремистов к власти создаются условия для безграничного расширения «полицейских» практик, делающих «политику» абсолютно невозможной, в этом схожи все виды тоталитаризма, как отмечает Х. Арендт [1, с. 545]. Таким образом, в сложившихся условиях необходимо выстраивать новую модель демократии, которая стремилась бы не к укреплению «полиции», для которой экстремизм является одним из важных инструментов поддержания сложившегося порядка, а к расширению «политики», необходимому для развития и совершенствования современного общества.

В последнее время разрабатываются модели демократии, отличные от действующих форм парламентаризма. Например, существует концепция Ш. Муффа, представляющая «агонистическую демократию» как альтернативу парламентской демократии и принятой в рамках парламентаризма модели толерантности. Ш. Муфф описывает агонистическую демократию следующим образом: «Как только мы признаём измерение «политического», мы начинаем понимать, что одна из основных проблем плюралистической либеральной демократической политики состоит в попытке разрядить потенциальный антагонизм в человеческих отношениях. Действительно, основной вопрос — не в том, как прийти ко всеобщему согласию, потому

что это потребует создания таких нас, которым бы не противопоставлялись никакие «они», что, как я уже доказала, невозможно, поскольку неперенным условием объединения «нас» является разграничение с «ними» [6, с. 61]. Следовательно, Ш. Муфф считает возможным с помощью модели агонистической, то есть соревновательной, демократии лишить идеологию парламентаризма политической монополии в демократическом обществе.

Итак, в политической науке можно выделить две основные трактовки политического экстремизма в условиях парламентаризма. Исследователи, разделяющие основные позиции первой трактовки, которых можно обозначить как сторонников существующих демократических моделей, выделяют политический экстремизм как совокупность идеологий и движений, реализация целей которых несовместима с нормальным функционированием парламентской демократии. Они разделяют стремление государств, декларирующих приверженность принципам парламентаризма, вытеснить экстремизм за рамки приемлемых политических явлений и, юридически оформив сложившееся положение, поставить его вне закона.

Другие исследователи, которых можно назвать сторонниками альтернативных демократических моделей, оценивают политический экстремизм как явление, определяющееся в рамках парламентской демократии — и параллельно — концепциями учёных, придерживающихся первой трактовки. Соответственно политический экстремизм выделяется и существует только в рамках парламентаризма, при другой политической системе, более гибко учитывающей интересы различных политических акторов; это явление может перестать существовать, изменив свои характеристики вместе с изменением основных черт парламентаризма. Автор данной статьи считает, что в целях укрепления и совершенствования демократии, в процессе развития

современных государств необходимо изучать и использовать концепции сторонников альтернативной трактовки политического экстремизма. Рассматриваемое явление является продуктом конкретных исторических условий, политических реалий, характерных для парламентской демократии.

Таким образом, необходимо отойти от определений политического экстремизма, принятых в рамках парламентаризма. При этом можно использовать труды сторонников альтернативных демократических моделей. Распад СССР и крушение социализма в Восточной Европе упрочило позиции парламентаризма, основные ценности которого претендуют в данный момент на роль универсальных норм для политической жизни в любой стране мира. Так подчёркивается взаимосвязь демократических преобразований и появления новой, инновационной модели личности [11, с. 302].

Вместе с тем границы поощряемого политического поведения в странах, декларирующих свою приверженность парламентской демократии, могут достаточно замет-

но варьироваться, ограничиваясь местными законами о политическом экстремизме. При попытке создания новой концепции данного явления, отличной от взглядов на экстремизм, принятых сторонниками существующих демократических моделей, исследователь неизбежно приходит к парадоксальному выводу о том, что имеющаяся модель полностью зависит от современного парламентаризма, она существует лишь в рамках парламентской демократии. Однако в странах, где парламентаризм только начинает развиваться, становится возможным использование концепции экстремизма в определённых целях, например, для усиления политического контроля над обществом. Автор данной статьи считает, что для исследователя, разделяющего взгляды сторонников альтернативных подходов к демократии, возможна лишь определённая трактовка экстремизма как модели, принятой сторонниками парламентаризма, создание своей концепции для него затруднено вследствие неразрывной взаимосвязи двух рассматриваемых явлений.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
2. *Бадью А.* Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике. М.: Логос, 2005. 240 с.
3. *Баева Л. В.* Экстремизм: природа и формы проявления — URL: [http://www.aspu.ru/images/File/ilil/Bayeva\\_extremizm.pdf](http://www.aspu.ru/images/File/ilil/Bayeva_extremizm.pdf)
4. *Лунсет С.* Размышления о капитализме, социализме и демократии. Антологии Русского Журнала, «Пределы власти». Ч. 1 — URL: <http://old.russ.ru:8080/antolog/predely/1/dem2-1.htm>.
5. *Морозов И. Л.* Политический экстремизм — леворадикальные течения. Волжский: Изд-во ВФ МЭИ, 2002. 70 с.
6. *Муфф Ш.* Демократия в многополярном мире // Прогнозис. М.: Территория будущего, 2009. № 2(18). 295 с.
7. Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.
8. *Рансьер Ж.* На краю политического. М.: Праксис, 2006. 240 с.
9. Современная российская мифология / Сост. М. В. Ахметова. М.: Изд-во РГГУ, 2005. 285 с.
10. *Уолцер М.* О терпимости. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000. 160 с.
11. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996. 416 с.
12. Resolution 1344 (2003) «Threat posed to democracy by extremist parties and movements in Europe» — URL: <http://assembly.coe.int/main.asp?Link=/documents/adoptedtext/ta03/eres1344.htm>

## REFERENCES

1. *Arendt H.* Istoki totalitarizma. M.: CentrKom, 1996. 672 p.
2. *Bad'ju A.* Meta/Politika; Mozhno li myslit politiku? Kratkij traktat po metapolitike. M.: Logos, 2005. 240 p.
3. *Baeva L. V.* Extremizm: priroda i formy projavlenija — URL: [http://www.aspu.ru/images/File/ilil/Baeva\\_extremizm.pdf](http://www.aspu.ru/images/File/ilil/Baeva_extremizm.pdf)
4. *Lipset S.* Razmyshlenija o kapitalizme, socializme i demokratii. Antologii Russkogo Zhurnala, "Predely vlasti", chast' 1 — URL: <http://old.russ.ru:8080/antolog/predely/1/dem2-1.htm>.
5. *Morozov I. L.* Politicheskij ekstremizm — levoradikalnye techeniya. Volzhskij: Izd-vo VF MEI. 2002. 70 p.
6. *Muff Sh.* Demokratija v mnogopoljarnom mire // Prognosis. M.: Territorija budushchego, 2009. № 2(18). 295 p.
7. *Popper K.* Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. M.: Fenix, Mezhdunarodnyj fond "Kulturnaja iniciativa", 1992. 448 p.
8. *Rans'er Zh.* Na kraju politicheskogo. M.: Praxis, 2006. 240 p.
9. *Sovremennaja rossijskaja mifologija / Sost. M. V. Ahmetova.* M.: Izd-vo RGGU, 2005. 285 p.
10. *Uolcer M.* O terpmosti. M.: Ideja-Press; Dom intellektual'noi knigi, 2000. 160 p.
11. *Shtompka P.* Sociologija socialnyh izmenenij. M.: Aspekt-Press, 1996. 416 p.
12. Resolution 1344 (2003) «Threat posed to democracy by extremist parties and movements in Europe». — URL: <http://assembly.coe.int/main.asp?Link=/documents/adoptedtext/ta03/eres1344.htm>

*A. B. Шадурский*

**«СЛАНЦЕВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И ИЗМЕНЕНИЕ УСЛОВИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ  
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ**

*Анализируется роль «сланцевой революции» в изменении условий обеспечения энергетической безопасности Европейского союза — аспект «прямого влияния», связанный с попытками непосредственного переноса опыта «сланцевой революции» из США на европейский континент. Анализируются основные составляющие успеха «сланцевой революции» в США, репликация которых важна для «экспорта» революции. На примере Польши демонстрируется то, что, несмотря на потенциально ограниченное влияние «сланцевой революции» в масштабах всего Европейского союза, она может привести к значительным изменениям в условиях обеспечения энергетической безопасности отдельных стран и регионов. Объясняется, почему решение развивать в Европе нетрадиционные источники природного газа обусловлено политическим детерминизмом, а не экономическими соображениями.*

**Ключевые слова:** энергетическая безопасность, природный газ, сланцевая революция, нетрадиционные источники, Польша, Россия, Европейский союз.

*A. Shadurskiy*

**«SHALE REVOLUTION» AND THE CHANGING ENVIRONMENT  
FOR ENERGY SECURITY IN THE EUROPEAN UNION**

*The article analyses the role of the «shale revolution» in changing environment of energy security in the European Union with the focus on the direct influence, i.e. attempts to replicate the «shale revolution» in Europe. The main reasons for the success of the «revolution» in the USA are given, displaying a «best practice» to follow. Poland is described as an example of how the attempts to replicate the shale revolution in Europe, though insignificant in the dimen-*